

УДК 94

**СКВОЗЬ ВРЕМЯ: КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
ОБЪЕДИНЯЕТ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
THROUGH TIME: HOW HISTORICAL MEMORY UNITES
RUSSIAN SOCIETY**

**Беськаева Валерия Александровна, Захарова Екатерина
Александровна**

**Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск**

**Научный руководитель: Терняев Андрей Павлович, кандидат
исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной
истории и методики обучения**

**Beskaeva Valeria Aleksandrovna, Zakharova Ekaterina
Aleksandrovna**

**Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evsevieva,
Saransk**

**Scientific supervisor: Ternyaev Andrey Pavlovich, Candidate of
Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and
Foreign History and Teaching Methods**

Аннотация:

В статье исследуется роль исторической памяти как ключевого фактора консолидации современного российского общества. Анализируется её двойственная природа: способность сплачивать нацию через общие ценности и ритуалы (такие как «Бессмертный полк») и одновременно выступать источником раскола из-за фальсификаций, поколенческих разрывов и конфликтующих трактовок символов. Авторами делается вывод, что ответственная и многомерная работа с прошлым создает основу для национальной солидарности и укрепляет позиции России как во внутреннем, так и в международном контексте.

Ключевые слова: Историческая память, консолидация общества, национальная идентичность, историческая политика, места памяти, фальсификация истории.

Abstract:

The article explores the role of historical memory as a key factor in the consolidation of modern Russian society. It analyzes its dual nature: its ability to unite the nation through shared values and rituals (such as the "Immortal Regiment"), while also serving as a source of division due to falsifications, generational gaps, and conflicting interpretations of symbols. The authors conclude that responsible and multidimensional engagement with the past creates a foundation for national solidarity and strengthens Russia's position both domestically and internationally.

Keywords: Historical memory, social consolidation, national identity, historical policy, places of memory, and falsification of history.

Историческая память – это не просто совокупность фактов о прошлом, а диалог связывающий поколения, формирующий идентичность и определяющий будущее нации. В России, с её уникальной многовековой историей, полной взлётов и испытаний, историческая память играет особую объединяющую роль, становясь мостом между эпохами и основой для общественной консолидации.

Сплочение современного российского общества в решающей мере обусловлено достижением фундаментальных общественных договорённостей. Фундаментом такой консолидации выступает формирование общего ценностного поля, включающего консенсус относительно принципов социальной справедливости и единую, принимаемую большинством, трактовку исторического наследия. Эта общность создаёт прочный моральный каркас, без которого невозможно устойчивое развитие нации. Не менее значимым фактором является разделяемое большинством понимание ключевых культурно-исторических ориентиров, а также устойчивая приверженность традиционной системе духовно-нравственных координат. Данные установки выполняют роль глубинного культурного кода, во многом предопределяющего коллективную идентичность и модели социального поведения. Ключевым драйвером здесь является превращение исторической памяти в активный участник общественной дискуссии, её постоянное присутствие в актуальном медийном и информационном поле [3, с. 6].

Конкретными примерами такой работы памяти, сплачивающей общество, могут служить общенациональные проекты и акции. Например, общественная акция «Бессмертный полк», выросшая из личной семейной памяти, превратилась в мощный общенациональный ритуал, визуализирующий личный вклад каждой семьи в общую Победу и напрямую связывающий поколения. Другой пример – масштабные проекты по восстановлению исторических храмов (как Храм Вооруженных Сил в парке «Патриот») или созданию музейных кластеров (как «Россия – Моя история»), которые становятся не просто выставками, а центрами формирования исторического нарратива, предлагающего целостный взгляд на российскую историю.

Не менее важна региональная и локальная проекция общенациональной исторической памяти. Общегосударственная историческая концепция обретает подлинную силу, когда она находит отклик и конкретное воплощение в истории городов, сёл, предприятий и семей. Так, проекты вроде «Последний адрес» или локальные музеи трудовой славы (например, музей истории Уралмашзавода в Екатеринбурге или музеи оборонных заводов в Туле) позволяют

«приземлить» масштабные исторические процессы, связав их с судьбами конкретных улиц, заводов и людей. Это предотвращает отчуждение истории, превращая её из абстрактного «государственного мифа» в лично значимый опыт, что является ключевым условием для подлинной, а не декларативной консолидации. Успешная историческая политика должна создавать мосты между столичным центром памяти и её многочисленными региональными «столицами» [4, с. 432].

Как отмечает О. М. Шевченко, именно историческая память «закладывает основы представлений о коллективном прошлом общности, транслирует их посредством механизма социализации, воспроизводит в повседневной жизни в форме эмоционально-заряженных общественно-значимых мероприятий» [6, с. 2]. Будучи ядром национального самосознания, она оказывает глубокое формирующее воздействие как на личность, так и на социальные отношения, регулируя повседневные практики и задавая векторы социального взаимодействия, тем самым моделируя возможные траектории солидарности и сплочения.

Однако, признавая интегративный потенциал исторической памяти, необходимо учитывать и её двойственную природу. Фокусировка исключительно на её объединяющей роли была бы неполной без анализа тех аспектов, которые, напротив, могут выступать источниками раскола и социальной напряжённости. Поэтому логичным продолжением исследования её консолидирующей функции становится критический разбор факторов, связанных с исторической памятью, но создающих препятствия для общественного согласия.

На пути к общественной консолидации через историческую память возникают значимые барьеры. Первый и наиболее очевидный из них связан с целенаправленной деформацией исторического нарратива. Речь идет не только о фальсификации ключевых событий, но и о системном принижении роли российского государства и народа в истории XX века, что наносит ущерб национальному самосознанию. Этот процесс часто включает в себя манипулятивную «пересборку» прошлого: изъятие фактов из их естественного контекста и их последующую идеологизацию. Как отмечает Т. В. Пушкарева, именно посредством «вырывания из контекста и достигается возвышение над объективным представлением», превращающее историческое событие в инструмент пропаганды победившей интерпретации [1, с. 4].

Серьезным вызовом является внутренний поколенческий разрыв в восприятии прошлого. Для поколения, выросшего в СССР, символика и нарративы советской эпохи наполнены личным, часто позитивным опытом. Для постсоветских поколений та же история – отдаленное, а иногда и противоречивое учебное пособие. Например, оценка таких фигур, как Иосиф Сталин, или событий, таких как индустриализация 1930-х годов, колеблется от подчеркивания их роли в создании сверхдержавы до акцента

на их человеческой цене. Этот разрыв не является следствием фальсификации, но отражает естественную динамику коллективной памяти и требует не подавления, а интеграции в сложный, но честный диалог.

Еще один барьер, коренится в парадоксальном механизме трансформации смыслов, когда происходит «успешное запоминание» – наследование прежних символических форм с радикальным переосмыслением их содержания. Наглядной иллюстрацией служит советская идеологическая атрибутика (красное знамя, Первомайские шествия, культ вождя), которая, по сути, присвоила и секуляризировала глубокие формы православной культурной традиции, наполнив их новой, антагонистичной семантикой. Этот симбиоз создал уникальный феномен: символ, сохраняя узнаваемую форму, стал носителем внутренне противоречивых значений. Как констатирует Пушкарева, подобный символ, «сохраняя память, может содержать в свернутом виде и противоположные значения», что в долгосрочной перспективе не консолидирует, а, напротив, может углублять ценностные разломы в обществе [1, с. 5].

Для превращения исторической памяти из потенциального ресурса в действенный механизм общественной интеграции требуется скоординированная стратегия, реализуемая совместными усилиями государственных институтов и гражданского общества. Её концептуальными основаниями могут стать следующие взаимосвязанные направления.

Приоритетом является выработка современной парадигмы исторического воспитания, содержание которого должно отвечать вызовам и задачам нынешнего этапа развития России. Этот процесс должен быть неразрывно связан с актуализацией духовно-нравственных ценностей, укоренённых в национальном опыте. Именно в этом аспекте историческая память раскрывает свой консолидирующий потенциал, выступая проводником этих ценностей в современность [5, с. 74].

Одновременно необходима разработка системных мер по защите исторической истины и противодействию её фальсификации. Цель таких мер – не только разоблачение искажений, но и утверждение в общественном сознании достоверной картины прошлого как основы для единства в защите национальных интересов. Эта задача обретает конституционную значимость, что подчёркивается законом о защите исторической памяти, фиксирующим преемственность тысячелетнего государственного развития и роль памяти предков.

Технологическим ответом на вызовы времени становится интеграция исторического знания в цифровую среду. Использование инновационных технологий для работы с культурно-историческим наследием позволяет

эффективно транслировать идеи преемственности поколений, общности происхождения и коллективной судьбы. Такая подача формирует широко разделяемое представление об исторической обоснованности национального единства.

Особое практическое значение имеет целенаправленная работа с «местами памяти» (П. Нора). К ним относятся не только материальные объекты – памятники, музеи, архивы, – но и символические практики, временные рубежи и даже личные свидетельства. Эти места памяти служат фокусами концентрации коллективного опыта [2, с. 55]. Их системное изучение, сохранение и включение в общественный диалог позволяет перевести абстрактную память в плоскость конкретного, осязаемого восприятия, усиливая её объединяющий эффект.

Эффективная политика исторической памяти немыслима без учёта её экономического и инфраструктурного измерения. Речь идет о таких практических шагах, как государственно-частное партнёрство в реставрации памятников, создании исторических туристических кластеров («Золотое кольцо», города-герои) или поддержке креативных индустрий, перерабатывающих исторический контент (кино, литература, видеоигры). Когда историческое наследие становится основой для создания рабочих мест, развития территорий и коммерчески успешных проектов (как сериал «Союз спасения» или туристический бренд «Серебряное ожерелье России»), оно перестаёт восприниматься как навязанная сверху идеология. Оно становится активом, в который общество готово инвестировать. Таким образом, прагматичная «экономика памяти» напрямую работает на её консолидирующую функцию, превращая прошлое в ресурс для будущего развития [4, с. 515].

Наконец, в контексте глобальной конкуренции идентичностей историческая память становится элементом дипломатии. Образ России в мире во многом формируется через призму её воспринимаемой исторической роли – как защитницы традиционных ценностей, победительницы в мировой войне или наследницы великой культуры. Успешные международные проекты, такие как выставки шедевров из российских музеев (Эрмитаж, Третьяковская галерея) за рубежом, масштабные копродукции на исторические темы (например, фильм «Союз спасения») или поддержка изучения русского языка и истории в странах СНГ, работают на укрепление этого позитивного образа. Они противостоят попыткам навязать России образ «империи зла» или «страны с непредсказуемым прошлым». Таким образом, внутренняя работа по консолидации через историческую память напрямую влияет на символический капитал и международный авторитет государства, позволяя ему более уверенно отстаивать свои национальные интересы и ценности на мировой арене.

Следовательно, целенаправленная актуализация исторической памяти открывает для современного российского общества стратегическую возможность: на новом витке общественного развития консолидироваться вокруг переосмысленного национального проекта, сделав прошлое основой для патриотической идентификации новых поколений [5, с 77].

В более широкой перспективе прочность общественного согласия напрямую коррелирует с глубиной уважения граждан к своему историческому наследию. Формирование такой культуры памяти – это комплексная задача, требующая синергии государственной политики, гражданских институтов и профессионального сообщества историков, педагогов и экспертов. Их совместная работа должна быть направлена на утверждение в общественном сознании принципов ответственного историзма, где уважение к прошлому основывается не на мифах, а на документальных свидетельствах и критической рефлексии, неразрывно связанных с фундаментальной системой духовно-нравственных координат российского социума.

Список литературы

1. Акимова А. А., Гамзаева Г. Ш., Казакбиева О. И. Историческая память как фактор консолидации российского общества // История. Культурология. Политология, 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-faktor-konsolidatsii-rossiyskogo-obshchestva>
2. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета, 2020. Вып. 4 (269). – С. 54-61.
3. Моисеенко О. А. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество), 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-istoricheskoy-pamyati-v-formirovanii-grazhdanskoy-identichnosti-sovremennoy-rossii>
4. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Авторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт Петербурге, 2020. – 632 с.
5. Попов М. Ю., Харитонов Е. М., Касьянов В. В. Структура патриотизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2023. № 2. – С. 72-78.
6. Шевченко О. М. Историческая память в консолидации российского общества: конструктивный и деструктивный потенциал / XX Международные Лихачевские научные чтения, 2022. – С. 1-7.

